

© 2004 г.

Н.М. РИМАШЕВСКАЯ

БЕДНОСТЬ И МАРГИНАЛИЗАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ

РИМАШЕВСКАЯ Наталья Михайловна - член-корреспондент Российской академии наук, доктор Института социально-экономических проблем народонаселения РАН.

Бедность: подходы к определению и измерению

В России, как и в бывшем СССР, а также во многих развитых странах бедность существовала всегда. Только она была везде разная. В качестве социальной проблемы в нашей стране обсуждаться и осмысливаться бедность стала лишь тогда, когда исследователи отошли от затушевывающих средних характеристик жизненного уровня и взглянули на заработную плату и семейные доходы через призму их дифференциации. Это произошло в конце 1950-х и начале 1960-х гг. с появлением статистики распределений заработной платы и доходов. С 1956 г. периодически проводились обследования заработной платы двух видов: единовременный сплошной учет распределения всех работников, проработавших полный март месяц, по размерам заработков (распределения оплаты труда) и выборочное обследование структуры заработной платы по всем категориям работников. Начиная с 1958 г. осуществлялись выборочные обследования доходов семей рабочих и служащих за сентябрь, которое давало представление о распределении доходов. Наблюдения заработной платы и доходов вместе с бюджетными обследованиями в общей композиции создавали хорошую информационную базу, в том числе для оценки дифференциации жизненного уровня [1]. К сожалению, вся эта информация была в то время "закрыта" (под грифом "ДСП" или даже "Секретно"). Но иногда ей удавалось воспользоваться [2]. По идеологическим соображениям понятие "бедность" в то время не имело "прав гражданства" ни в практике, ни в социально-экономической теории советского общества. Адекватные ему термины - "прожиточный минимум" и "уровень малообеспеченности" - завоевали право на официальное признание лишь в начале 1970-х гг. вместе с разработкой программы помощи детям в малообеспеченных семьях. Проблема малообеспеченности как социальная, при анализе которой показано, что в то время главный фактор низкого уровня семейных доходов - не только и не столько количество детей в семье, сколько катастрофически низкий уровень обеспеченности престарелого населения. Вся эта продолжительная (не одно десятилетие) история с малообеспеченностью и бедностью была не что иное, как лукавое "двоемыслие" по терминологии Ю.А. Левады, которое "всегда в определенной мере ограничивало всевластие официально декларируемых норм, оставляя некое пространство для нормативных сделок и компромиссов" [3].

Между тем, категории "прожиточный минимум" и "уровень малообеспеченности", определяемые как некоторый минимальный предел, обеспечивающий биологическое

и социальное воспроизводство человека и работника, имели большое практическое значение. Тоталитарное государство, осуществляя строго централизованное регулирование минимальной оплаты труда, опиралось именно на эти категории. Разумеется, что в то время прожиточный минимум, в силу закрытости проблемы, законодательно не утверждался и тем более не рекламировался, но постоянно рассчитывался экспертами. Велись теоретические дискуссии по вопросам, что такое прожиточный минимум, минимальный потребительский бюджет, на что должна ориентироваться минимальная заработная плата и как она с ними соотносится. Так, в 1965 г. прожиточный минимум был установлен в размере 40 руб., а минимальная заработная плата на его основе - в размере 60 руб. Было общепринято, что минимум оплаты труда должен быть не ниже полутора минимальных бюджетов, чтобы обеспечивать воспроизводство работника и половину иждивенца в соответствии с показателями семейной нагрузки. В 1975 г. минимум был повышен до 50 руб., а соответствующая ему заработная плата - лишь до 70 руб. Население, имеющее доходы ниже минимума материальной обеспеченности, рассматривалось как малообеспеченное. В конце 1980-х гг. прожиточный уровень (или граница малообеспеченности) определялся в размере 100 руб., а минимальная заработная плата - 165 руб.

Однако в 1992 г. ситуация радикально изменилась не только в связи с утратой государством властных полномочий, но в большей мере вследствие тотального экономического кризиса и "шоковой терапии", бросившей основную часть населения в бездну нищеты. При этом, фактически полностью оказались "экспропрированными" и все сбережения населения в наличной и безналичной формах. Принципиально иной стала методология оценки "пограничной" линии, отсекавшей бедняков. С точки зрения формальной постановки задачи, она выполняла прежние функции: определить величину дохода, ниже которого население неспособно к нормальному воспроизводству. До 1992 г. этому служил, как было отмечено выше, бюджет минимума материальной обеспеченности, или минимальный потребительский бюджет (МПБ). На протяжении почти четверти века линия минимального потребления отсекала, как правило, 25-30% семей, которые находились "по ту сторону" и не были материально обеспечены в соответствии с требованиями минимального бюджета. Но применяя этот бюджет в условиях 1992 г., когда доходы населения в среднем упали в 2,5 раза, граница малообеспеченности отсекала примерно в 2,5 раза большую численность бедных, чем это было до 1992 г. Отсюда появились данные о 70-80%-ной доли бедных в России. Подобное суждение было справедливо в рамках прежней концепции малообеспеченности. Но если 80% населения бедны, то можно сказать, что бедно все население, и проблема бедности, таким образом, из социальной превращается скорее в экономическую. В этих условиях бессмысленно искать социальные пути ее решения, необходим лишь экономический подъем, который будет способствовать повышению доходов населения. Но существование 80% материально необеспеченных граждан - это, кроме всего прочего, проблема политическая, мимо которой нельзя пройти. Она нуждается в определенном разрешении в рамках существовавших условий, прежде чем макроэкономический рост будет обеспечен. Надо обеспечить совсем социально незащищенных. Чтобы вычленил особенно бедных, нуждающихся в социальной поддержке или защите в новых условиях, потребовалось изменить границу бедности.

Итак, если в конце 60-х годов доля малообеспеченных ("бедных") составляла 29,6%, в конце 70-х годов - 32,1%, в конце 80-х годов - 30,7%, то в результате "шоковой терапии" проблема бедности как самостоятельная исчезает, замещаясь проблемой экономической разрухи, падения уровня экономического развития и, вследствие этого - жизненного уровня населения в целом. Бедной становится как бы страна в целом. Но катастрофическое падение доходов населения рассматривалось в то время как чрезвычайное, но весьма временное явление, связанное с коротким периодом социально-экономических трансформаций. Таким образом эти процессы представляли собой "трансформаторы", решившиеся без учета российских особенностей на "шоковую

терапию". Однако наиболее социально слабые слои оказались на грани нищеты, и, безусловно, нуждались в защите. Это было понятно российским "преобразователям", и на это указывал Мировой банк. Очевидно, что в такой ситуации идти можно было лишь по пути вычленения из всего обедневшего населения самых бедных - так называемых "актуализированных" бедняков. Уровень (граница) бедности в этом случае устанавливался из соотнесения его со средними доходами населения, снизившись в 2-3 раза. Поэтому в 1992 г. перешли к новой метрике определения границы бедности: раньше это был минимальный потребительский бюджет, теперь - бюджет прожиточного минимума (БПМ) или просто прожиточный минимум. И дело здесь не только в словах. Изменился сам размер бюджета, "усохший" почти в 2 раза, если использовать единые цены. Минимальный потребительский бюджет (МПБ) оценивался в 135 руб. (в ценах 1991 г.), а прожиточный минимум (ПМ) составлял лишь 60 руб. в тех же ценах. Поменялась также и его структура. Если в минимальном потребительском бюджете доля питания составляла 52,0%, то в бюджете прожиточного минимума - 68,3%. Аналогичные сдвиги произошли и с долей услуг: с 14,5% они снизились до 7,4%. Очевидно, что столь гипертрофированная в сторону питания потребительская структура может быть сколько-нибудь реальной границей бедности лишь короткий промежуток времени, ограниченный, например, периодом острой кризисной ситуации.

Семья не может долго существовать, используя до 70% своего бюджета на питание, так как существует еще ряд малоэластичных потребностей (жилищно-коммунальные, транспорт, одежда для детей). В условиях высокой инфляции, которая в большей степени затрагивает товары, потребляемые малообеспеченными, граница бедности под влиянием цен меняется интенсивнее. В то же время бедные слои населения не могли бесконечно оставаться в рамках экстремальной структуры потребления: некоторые запасы продуктов питания быстро истощились, дети выросли из своей одежды и обуви, а цены на жилищно-коммунальные услуги и транспорт интенсивно росли. Бюджет прожиточного минимума в структуре 1992 г. постепенно (и чем дальше, тем быстрее) терял свою реальность. Даже на самом низком уровне материальной обеспеченности потребление семьи не может формироваться по модели прожиточного минимума. Резкий рост цен на жилищно-коммунальные услуги, новые тарифы на транспорт и другие виды благ, удовлетворяющие насущные потребности, увеличивают их долю в структуре минимального (-) набора в 3,5 раза. Реализация такой модели в семьях с самыми низкими доходами неизбежно приводит к недопотреблению продуктов питания, прожиточный минимум фактически становится не чертой бедности, а границей нищеты. В самом деле, в 2001 г. ПМ в среднем по стране составлял 1500 руб. на душу в месяц (по переводному курсу - это 50 долл. США, т.е. 1,7 долл. в день). Между тем ООН считает, что для разных стран уровень нищеты определяется доходом -2-4 долл. в день. Кризис 17 августа 1998 г. явился вторым сокрушительным ударом по российскому населению. В январе 1999 г. минимальная заработная плата составляла 10,6% от прожиточного минимума и равнялась 3 долларам США в месяц, т.е. полностью утратила свой социально-экономический смысл [4].

К 2000 г. стало очевидным, что установленный в 1992 г. прожиточный минимум не может больше использоваться в качестве границы бедности, тем более, что он и был ориентирован на 1,5-2 года, а прошло 8 лет. Был "построен" новый прожиточный минимум, в основе которого лежала иная методология, и было предусмотрено его содержательное изменение один раз в четыре года. За первые три квартала 2003 года с учетом инфляции прожиточный минимум достиг в среднем по населению России размера 2121 руб. в месяц на человека, доля питания в соответствующем ему потребительском бюджете теперь соответствует около 50%.

Возникли две формы бедности: "устойчивая" и "плавающая". Первая связана с тем, что низкий уровень материальной обеспеченности, как правило, ведет к ухудшению здоровья, деквалификации, депрофессионализации, а в конечном счете - к деградации. Бедные родители воспроизводят потенциально бедных детей, что определяется

их здоровьем, образованием, полученной квалификацией. Социальные исследования устойчивости бедности подтвердили эту гипотезу и показали, что люди, "рождающиеся как постоянно бедные", остаются таковыми в течение всей жизни [5]. Вторая форма, намного реже встречающаяся, связана с тем, что бедные подчас предпринимают невероятные усилия и "выскакивают" из своего социального, фактически замкнутого круга, адаптируясь к новым условиям, отстаивая свое право на лучшую жизнь. Разумеется, что в таком "прыжке" существенную роль играют не только субъективные, личностные факторы, но и объективные условия, создаваемые государством и обществом.

Драматичность ситуации состоит в том, что две трети детей и одна треть престарелого населения оказались "за порогом" социальных гарантий, в группе бедности. Между тем основная часть пожилых людей своим прошлым трудом обеспечила себе право на, по крайней мере, безбедное (по "новой метрике") существование, а с бедностью детей нельзя мириться, т.к. она несомненно приводит к снижению качества будущих поколений и, как следствие - основных характеристик человеческого потенциала нации.

Наблюдается интенсивный процесс феминизации бедности, которая имеет крайние формы проявления в виде застойной и глубокой бедности [6]. Наряду с традиционными бедными (одиноким матери и многодетные семьи, инвалиды и престарелые) возникла категория "новых бедных", представляющих те группы населения, которые по своему образованию и квалификации, социальному статусу и демографическим характеристикам никогда ранее (в советское время) не были малообеспеченными. Все специалисты пришли к выводу о том, что работающие бедные - это чисто российский феномен. Сегодня их низкие доходы обусловлены прежде всего неоправданно низким уровнем оплаты труда на государственных предприятиях, безработицей и частичной занятостью, а также - неплатежами заработной платы и пенсий [7].

При определении границы бедности следует учитывать региональные особенности России, т.к. различия в доходах и ценах между отдельными территориями достигают 14 раз. Это приобретает не только социально-экономический, но и политический аспект. Каждый регион (субъект федерации) имеет свой прожиточный минимум и, соответственно, свою границу бедности, долю малообеспеченных групп населения.

Альтернативный путь к определению и измерению бедности основывается на ее оценках через лишения, который представляет совершенно иной инструмент измерения реальных нужд бедного населения, что позволяет не только сформулировать иные критерии отбора бедных семей, но, если нужно, определить приоритеты адресной социальной помощи. Однако возможно и совмещение методов установления бедности на основе низких доходов и испытания лишений в потреблении. При этом формулируется более мягкий критерий уровня бедности, чем каждая из оценок в отдельности. "Выделяются семьи, находящиеся в состоянии застойной бедности, когда отсутствие денег трансформировалось в проявление конкретной исключенности из преобладающих жизненных стандартов" (депривационная концепция) [8].

Масштабы и глубина бедности

Масштабы бедности сводятся фактически к выявлению доли и численности бедных в населении страны или региона. Исходным при этом является вычленение границы бедности, методология которой имеет по крайней мере три практики: абсолютный подход, основанный на сопоставлении денежных доходов или расходов с прожиточным минимумом (ПМ), депривационный, построенный путем измерения бедности от преобладающих в обществе стандартов потребления, и субъективный, измеряющий бедность через представления самого населения о денежных ресурсах, необходимых семье, чтобы не быть бедной [9].

Несомненно, что ответ на вопрос о численности бедного населения России имеет существенную политическую окраску. Число семей, имеющих доходы ниже ПМ, в значительной мере определяет основную линию социальной политики как на федеральном, так и на региональном уровнях. Одновременно, изменение масштаба бедности есть оценка эффективности социальной политики и деятельности властей в социальном направлении. Поэтому особенно опасны заявления чиновников, утверждающих, что доля бедного населения в России завышена именно в связи с тем, что завышен уровень ПМ и, следовательно, граница бедности. Подобного рода высказывания не могут иметь иного последствия, кроме как возмущения 10-20 млн. россиян, находящихся не только за чертой бедности, но за границей нищеты, когда доходы семьи не обеспечивают даже продуктовой корзины.

Для того чтобы существующей картине бедности дать адекватную оценку, нужно не только методически правильно определять ее границу, но и располагать доброкачественной статистикой, которая основана на хорошо организованных обследованиях населения, имеющих репрезентативный характер, чтобы каждый раз располагать если не адекватной картиной, то достаточно точными характеристиками численности населения (домохозяйств, семей и людей), находящегося за границей бедности. Бедность принципиально не может определяться лишь уровнем текущих доходов. Имеются еще два существенных фактора, воздействующих на уровень потребления, которые следует учитывать в дефинициях бедности: располагаемое имущество (например, жилье, второе жилье за городом, транспорт, гараж) и накопления (включая тезаврируемые драгоценности). Но, как правило, в советском обществе на излете его существования население, тем более бедное, не имело жилья в собственности. Это справедливо, если исключить село.

Начиная с 1957 г., Госкомстат (а ранее ЦСУ СССР) периодически проводил обследования семей типа микроценозов [10], которое включало фиксирование всех источников текущих доходов. Несмотря на то, что они базировались на "отраслевом" принципе отбора семей, все-таки в сочетании со сплошным наблюдением заработной платы давали хорошую базу для оценки распределения доходов применительно к генеральной совокупности. В 1990-х годах таких обследований систематически не проводится и единственным источником для нахождения искомой величины (численности бедных людей) остались семейные бюджеты, репрезентативность которых нуждается в постоянной корректировке. Динамика доли малоимущего населения, по данным Госкомстата РФ, начиная с 1992 г. до 1998 г. имела формально тенденцию к снижению (с 33,5% до 20,8%); однако с III квартала 1998 г. (в результате дефолта 17 августа) произошел существенный рост удельного веса бедных с максимальной точкой в I квартале 2000 г. (41,2%). Истекшее десятилетие, когда численность бедного населения колебалась в пределах от 30 до 60 млн. чел., характеризует весьма тяжелую ситуацию в стране, если учитывать, что сам уровень прожиточного минимума (ПМ) обеспечивает лишь физическое выживание: от 68 до 52% его объема составляют расходы на питание. Таким образом, в этих условиях около 45 млн. чел. либо вырабатывали стратегию выживания, либо пауперизировались, переходя в слой маргиналов.

По данным Госкомстата РФ в III квартале 2003 г. доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума от общей численности составляла 21,9% или 31,2 млн. человек. Эти цифры свидетельствуют о динамике существенного снижения бедности. Но не следует создавать излишних иллюзий на этот счет, т.к. одновременно с позитивными процессами в уровне жизни населения происходит моральное обесценение семей линии бедности, основывающейся на прожиточном минимуме, который быстро "устаревает" и в 2004 г. должен получить принципиально новую оценку.

Для того чтобы определить факторы и эффективность мероприятий по снижению бедности, необходимо, как минимум, располагать информацией двух типов: а) о социально-демографическом составе бедных и б) о динамике структуры бедного населе-

ния [11]. Именно показатели, характеризующие изменение структуры бедных, на самом деле отражают пути и конкретные методы решения проблемы бедности.

Детальный анализ состава бедных семей или то, что называется "профилем" бедных, показывает, что в демографическом плане из общего числа членов семей более четверти (27,3%) - это дети до 16 лет, около пятой части (17,2%) - лица старше трудоспособного возраста, а остальные - более половины (55,5%) - трудоспособное население. Специальные расчеты показывают, что по половозрастному признаку в состав населения с располагаемыми ресурсами ниже прожиточного минимума в 1999 г. входило 59,1 млн. чел., в том числе 15,2 млн. детей, 24,9 млн. женщин и 19,0 млн. мужчин. Это означает, что бедными были: 52,4% от общей численности детей до 16 лет, 39,5% от числа женщин и 35,6% от числа мужчин. Такова самая общая характеристика. Она свидетельствует о том, что по уровню материальной обеспеченности более половины детей находятся ниже "границы" достойной жизни, а доля бедных женщин выше, чем доля бедных мужчин. Несмотря на то, что разница по полу невелика, все-таки есть все основания говорить о феминизации бедности, что подтверждается и формирующими ее факторами.

По социальному составу среди бедных выделяются следующие группы взрослого населения: более одной трети (39,0%) - это работающие, около одной пятой (20,6%) - пенсионеры, 3% - безработные, 5,3% - домохозяйки, включая женщин, находящихся в декретном отпуске по уходу за ребенком. В плане демографической типологии среди бедных семей отмечаются три группы: а) супружеские пары с детьми и другими родственниками (50,8%); б) неполные семьи, которые могут включать в свой состав других родственников (19,4%).

Рассматривая особенности формирования бедных семей из-за неплатежей, следует подчеркнуть две наметившиеся тенденции: расширение границ бедности за счет трудоспособных слоев населения (и, прежде всего, безработных) - это первая, и вторая - увеличение доли бедных за счет работников с низким (ниже прожиточного минимума) уровнем оплаты труда либо не получающих заработка вовсе. Первая свидетельствует не столько о развитии рыночных отношений, сколько об экономической дезорганизации общества, а вторая - об иррациональности в регулировании распределительных отношений, когда минимальная заработная плата устанавливается ниже прожиточного минимума и даже ниже минимальной пенсии. Несмотря на повышение в 2003 г. минимальной оплаты труда, она все еще составляет четверть от прожиточного минимума нетрудоспособного. Подобный феномен нельзя рассматривать иначе, как форму скрытой безработицы. Если работник, отработывая полное рабочее время, не может обеспечить себе минимум средств существования, то он как бы не трудится, а получает лишь пособие за формальную принадлежность к группе работающих. Ведь супружеские пары с 1-2 детьми, где двое взрослых работают, в советское время традиционно относились к средне- и высокообеспеченным слоям населения, а теперь каждая пятая семья оказывается за границей бедности. Установление минимальной заработной платы на уровне ниже прожиточного минимума, а также высокая доля работающих (выше трети) в составе бедного населения свидетельствуют о тенденциях воспроизводства рабочей силы на суженной основе, о ее непереносимой деградации.

Обследование "социального дна"

Бедность, безработица, экономическая и социальная нестабильность, несбыточность надежд, крушение планов интенсифицируют процесс маргинализации населения. В результате появляется социальный слой пауперов, как следствие усиливающейся нисходящей социальной мобильности, нарастающей по своей интенсивности. Так формируется и укрепляется "социальное дно", которое фактически отторгается обществом, практически не знающим даже его истинных размеров. Специальное исследование этой проблемы позволяет выделить четыре группы людей, составляющих

"социальное дно": 1) нищие, открыто просящие подаяние; 2) бомжи, лишившиеся своего жилья, как известно, прежде всего вследствие возникновения рынка жилья; 3) беспризорные дети, которые потеряли родителей либо убежали из дома; 4) уличные проститутки (включая детей), ведущие асоциальный образ жизни. Представители "социального дна" имеют сходные черты. Это люди, находящиеся в состоянии социальной эксклюзии, лишённые социальных ресурсов, устойчивых связей, утратившие элементарные социальные навыки и доминантные ценности социума. Они фактически уже прекратили борьбу за свое социальное существование. В то же время каждая из названных групп обладает своей спецификой, но между ними нет жестких граней: бомж может быть нищим, а беспризорник бомжем. Тем не менее все представители "социального дна" имеют свои признаки, особенности формирования и социально-демографические свойства их идентификации.

Основная черта *нищих* — просить подаяние из-за отсутствия дохода или его катастрофического уменьшения, когда нет помощи ни со стороны общества, ни от близких людей, и нет возможности их заработать. Очевидно, что физическое отсутствие крыши над головой и есть главная характеристика *бомжей*. Они лишаются своего жилья, как правило, в результате обмана, продажи, при возвращении из пенитенциарных заведений. Основным признаком третьей группы - *беспризорники* - является возраст; в нее входят дети от 6 до 17 лет, которые в той или иной форме отвергнуты семьей, либо своими попечителями. Последняя группа - *уличные проститутки* - отличаются характером своей деятельности. Каждая четвертая обследованная из них считает проституцию "престижной профессией", каждая вторая рассматривает ее как единственную возможность получить "хороший заработок", способный обеспечить нормальный уровень жизни [12]. В значительной мере деятельности этих женщин, а порой и детей определяется безысходностью жизненных условий.

Маргинализация населения в процессе его интенсивной нисходящей мобильности особо остро ставит проблему анализа и рассмотрения сложившейся ситуации. Очевидно, что регламентная статистика и прежде всего обследование домашних хозяйств не могут дать ответа на возникающие в этой связи вопросы, что явилось главной причиной организации специального социально-экономического исследования "социального дна" в России, проведенного ИСЭПН РАН [13].

Исследование базировалось на трех источниках информации. Первый - выборочное обследование городского населения. Выборка составила 1201 человек. Она проектировалась как квотная с представительством по социальному положению, образованию, полу и возрасту. Второй источник - опрос экспертов, среди которых были работники правоохранительных органов, служб занятости, домов призрения, служб социальной защиты, а также журналисты, общественные и религиозные деятели. Общая численность их составила 111 человек, обязательное условие отбора - повседневная работа с представителями "социального дна". Третий источник информации - углубленные интервью с представителями всех четырех групп "социального дна" (число респондентов - 96 человек). Опросы проведены в шести крупных городах России: Москве, Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде, Красноярске, Воронеже, Екатеринбурге.

74% населения и 81 % экспертов считают проблему "социального дна" острой и наиболее существенной; 75% населения и 85% экспертов рассматривают его как угрожающее (или просто опасное) явление российской жизни; 85% населения и 87% экспертов полагают, что развитие "социального дна", его рост и усиление агрессивности обусловлены политикой реформ.

Информация, полученная в результате исследования, показывает, что нижняя гра- ница размеров "социального дна" составляет 10% городского населения, или 10,8 млн. человек, в составе которых 3,4 млн. человек - нищие, 3,3 млн. - бомжи, 2,8 млн. - беспризорные дети и 1,3 млн. человек - уличные проститутки. Указанные цифры не совпадают с официальной статистикой. Так, по данным МВД РФ, бездомных в России от 100 до 350 тыс. [14], и это естественно, потому что правоохранительные органы

фиксируют лишь ту часть социального дна, которая попадает в их орбиту. А это - лишь видимая часть айсберга.

Мультиплицировались внешние факторы нисходящей мобильности, среди которых пониженный уровень социальной поддержки (одинокое пенсионеры, инвалиды, матери-одиночки), социальная изоляция (наркоманы, криминальные элементы, цыгане). Психологическое состояние пауперов, как правило, характеризуется отчаянием и безысходностью. Вместе с тем у рассматриваемых категорий населения прослеживается весь спектр человеческих эмоций: отчаяние людей, попавших на "дно" сравнительно недавно и еще недостаточно социализированных в новой для себя среде (нищие), безнадежное спокойствие "старожилов" (бомжи, проститутки) и "оптимизм" беспризорных детей, которые, как им кажется, вырвались на свободу.

Анализ данных показывает, что "социальное дно" имеет преимущественно "мужское лицо". Среди его обитателей две трети - мужчины и одна треть - женщины. "Дно" в России молодо: средний возраст нищих и бомжей приближается к 45 годам; у беспризорников он равен 13 годам, у проституток - 28. Минимальный возраст нищих - 12 лет, а проституток - 14 лет; беспризорничать же начинают уже с 6 лет. Большинство нищих и бомжей имеют среднее и среднее специальное образование, а 6% нищих, бомжей и проституток - даже высшее. В глазах общественности внешний вид пауперов является одним из основных индикаторов принадлежности к "социальному дну". Они воспринимаются как "имеющие аморальный облик" (62% экспертов), "неопрятные, опустившиеся" (60% населения и 62% экспертов). Однако половина опрошенных пауперов моются один раз в неделю, одна треть - раз в месяц. Почти три четверти (71%) среди них лишены постоянного жилья, две трети (62%) - не имеют родных и близких, одна треть (30%) - фактически изолированы от общества.

Около 14% представителей "социального дна" живут небольшими группами или колониями, остальные - в семьях или одиночками. Места их обитания весьма разнообразны: в квартирах (своих или знакомых), в подвалах и на чердаках домов, в заброшенных домах и садовых домиках, на вокзалах и в портах, в теплотрассах и канализационных коллекторах или колодцах, на свалках. Наиболее неустроенными являются бомжи и беспризорные дети. Значительная часть нищих и бомжей трудилась ранее неквалифицированными рабочими, на грязном производстве. Кроме того, у многих была разъездная работа с длительным отрывом от дома. Проститутки работали преимущественно в общепите и торговле.

Среди нищих и беспризорников высокий процент алкоголиков и токсикоманов. Большинство представителей "дна" имеют следы сильных побоев; две трети питаются крайне нерегулярно и пищей плохого качества. Но в целом их оценки собственного здоровья умеренно оптимистичны. Многие из них не пользуются лекарствами. Только треть проституток прибегают к медицинским услугам; около половины не обращают внимания на болезни или лечат их водкой. Почти совсем не охвачены медицинским обслуживанием бомжи и беспризорные дети. Между тем "каждый имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь" (из ст. 41 Конституции Российской Федерации). Из амбулаторных учреждений самые доступные для бездомных - это противотуберкулезные и кожно-венерологические диспансеры.

Российское "дно" социально опасно, так как оно склонно к насилию. По мнению представителей "дна", 85% беспризорников и 34% бомжей вооружены холодным оружием, а 28% - огнестрельным. Среди беспризорников практически нет таких, кто бы не имел оружия. Многие из них употребляют токсичные вещества или наркотики, а также занимаются их распространением. Уличные проститутки часто имеют криминальное прошлое и бурное криминальное настоящее. Даже среди бомжей меньше людей, склонных к насилию.

Обитатели "дна" в России - естественный ресурс уголовного мира. По информации Комитета социальной защиты г. Москвы, средний доход бездомной попрошайки составляет 1 тыс. руб. в день. Это и есть основа их рекрутирования криминальными структурами и различными шайками. Только одни сборы "профессиональных" нищих

оцениваются в 1,5 млрд. рублей в год. Криминалитет контролирует проституцию, привлекает представителей "дна" к наркобизнесу и для исполнения "грязной и опасной работы". Об этом заявили примерно 73% проституток, 50% бомжей и 48% беспризорников. Бомжи способны на любые антисоциальные действия: они создают в местах своего проживания очаг антисанитарии и снижают уровень эпидемиологической безопасности в обществе, угрожают благосостоянию и имуществу граждан, инициируют социальные беспорядки. Беспризорники - питательная среда криминализации общества, угроза общественному спокойствию. Уличные проститутки подрывают моральные устои общества, являются носителями венерических заболеваний. Наркоманы и алкоголики сосредотачивают самые серьезные факторы риска для общества.

"Социальное дно" в России находится вне рамок законов и норм Конституции. "Большое" общество исключает его из орбиты социальных связей; контакты с ним ведутся только по линии правоохранительных органов, процесс эксклюзии реализуется в наиболее полном виде. Более двух третей его представителей побывали в милиции, почти четверть - отбывали срок в тюрьме. "Дно" накапливает криминальный опыт не только непосредственной практикой преступной деятельности, но и за счет опыта лиц, отсидевших в тюрьме. Криминальная активность пауперов рассматривается как фактор политической нестабильности жизни российского общества. Обитатели "дна" способны на активные социальные действия, готовы к социальному взрыву. По отношению к властям беспризорники озлоблены, нищие настроены наиболее критично и требовательно, проститутки лояльны и снисходительны.

Для пауперов самые ненавидимые представители общества - это милиционеры и чиновники, которые равнодушны к проблемам "социального дна" (36%), изгоняют их (23%), избивают (22%). Особенно достается беспризорникам: 42% говорят, что их избивают милиционеры, 35% обвиняют их в издевательствах.

Причины нисходящей мобильности могут быть внешние (потеря работы, реформы в стране, неблагоприятные перемены в жизни, криминальная среда, вынужденное переселение, война в Чечне, последствия войны в Афганистане - афганский синдром) и внутренние (склонность к порокам, неспособность к адаптации в новых условиях жизни, личные качества характера, беспризорное детство, плохая наследственность, недостаток образования, отсутствие родных и близких). Оценка влияния указанных факторов на социальные эксклюзии весьма различна со стороны населения, экспертов и самих представителей "дна". В обществе доминирует снисходительно-оправдательная установка на проблему бедности. Характер реформ способствует распространению мнения, что труд не является источником жизненного успеха, а бедность - это болезнь общества, не порок, а рок. Важнейшая причина, способная привести людей на "социальное дно" - потеря работы. Так считают 53% населения и 61% экспертов. В сознании людей экономические реформы в стране связываются с социальной деградацией, с массовым обнищанием, с жизненными лишениями. Менее значимыми воспринимаются влияние криминального мира, война в Чечне и вынужденное переселение (беженцы).

Исследование в Москве показывает, что почти половина (около 45%) оказавшихся в положении бездомных не являются лицами без определенного места жительства. Среди них 24-26% - москвичи, 54-56% - из других регионов России, 20% - граждане СНГ. Около 15% среди временно бездомных - беженцы. Третья часть фактически не имеющих жилища - бывшие заключенные. Ежегодно милиция задерживает около 5 тыс. человек за нарушение правил регистрации, т.к. бездомный легализовать себя практически не может. Это формирует большую группу "незаконно" проживающих в Москве, которая представляет большой транзитный узел.

Позиции населения, экспертов и представителей "социального дна" по отношению к проблемам пауперизма различны. Они определяются их социальным статусом, социальными ролями и социокультурными установками. Очевидны и различия в способах противодействия нисходящему потоку населения относительно социальной пирамиды. Представители "дна" обвиняют либо обстоятельства жизни, общество и госу-

дарство, либо рассматривают причины как фатальный результат (судьба, невезение). Для 38% нищих главная причина - судьба, для 38% бомжей - пьянство, для 33% проституток и 55% беспризорных - непутевые родители. Люди смирились с тем, что реформа засасывает на общественное дно все более широкие слои населения. Они не надеются на помощь и считают, что принадлежность к указанным социальным группам обрекает на нищету и деградацию.

Анализ результатов исследования позволил выделить **пять глобальных факторов нисходящей социальной мобильности**: *политический детерминизм* - нисходящая социальная мобильность - результат проводимых экономических реформ, последствия войны в Афганистане и Чечне, а также - распада СССР; *криминальность* - нисходящая социальная мобильность связана с криминалитетом, с преступным поведением (воровством, вымогательством, насилием, грабежами); *личное невезение в жизни* - попадание на "социальное дно" объясняется болезнями, инвалидностью, судьбой, плохим воспитанием в семье; *собственная вина, склонность к порокам* - процесс нисходящей социальной мобильности интенсифицируется пьянством, наркоманией, токсикоманией, проституцией; *социальная изолированность* - нисходящая мобильность обусловлена отказом подчиняться социальным нормам, беспризорностью, оторванностью от общества, потерей связей с семьей и близкими, отсутствием работы, веры в Бога.

По мнению граждан российских городов, самая большая вероятность оказаться на "социальном дне" у одиноких пожилых людей (шансы попасть на "дно" равны 72%), пенсионеров (61%), инвалидов (63%), многодетных семей (54%), безработных (53%), матерей-одиночек (49%), беженцев (44%), переселенцев (31%). Эксперты считают, что учителя, инженерно-технические работники, низкоквалифицированные рабочие обречены на прозябание в нищете (шансы на такую жизнь оценены в 24-32%). Они не имеют возможностей подняться вверх по социальной лестнице.

Есть различия в причинах социальной эксклюзии у разных категорий. Нищие говорят о судьбе, одиночестве, болезни, инвалидности, с другой стороны, обвиняют правительство, начавшее реформы. Бомжи оценивают себя наиболее жестко: говорят о своем пьянстве, обмане близких, потере работы, последствиях тюремного заключения. Проститутки попадают на "дно" из-за плохой компании, недостатка образования и воспитания. Беспризорные дети прежде всего обвиняют непутевых родителей, свою судьбу, плохую компанию и невезение.

Две России, два образа жизни

Угроза обнищания нависла над определенными социально-профессиональными слоями населения. "Социальное дно" поглощает крестьян, низкоквалифицированных рабочих, инженерно-технических работников, учителей, творческую интеллигенцию, ученых. В обществе действует эффективный механизм "всасывания" людей на "дно", главными составляющими которого являются методы проведения нынешних экономических реформ, безудержная деятельность криминальных структур и неспособность государства защитить своих граждан.

Из "социальной ямы" выбраться сложно. Восходящую социальную силу люди "дна" оценивают крайне низко (только 36%); 43% говорят, что такого на их памяти не было никогда; однако 40% утверждают, что иногда такое случается. Представители "дна" не считают свое положение преступным и не принимают силовых методов борьбы. Они надеются на социальное содействие и понимание со стороны общества: трудоустройство и предоставление посильной работы, создание домов для обездоленных и пунктов питания, оказание материальной и медицинской помощи. В то же время "большое" общество видит в "социальном дне" преимущественно источник зла.

Исследование позволило увидеть не только состояние социальной стратификации, но и его динамические характеристики. Процесс социальной дифференциации нарас-

тает: богатые делают еще богаче, а бедные - нищают. В результате формируются, как было сказано, две России, со своими социокультурными ценностями, образом жизни и образцами поведения (культурами): с одной стороны, богатейшее и состоятельное сословие, а с другой, - беднейшие (аутсайдеры), официально называемые неудачниками. У представителей разных имущественных слоев и свои жизненные перспективы - от социального роста, служебного положения до взаимоотношений в семье и интереса к работе. Потеря социальных ориентиров очень сильно связана с уровнем доходов и качеством жизни.

Эксперты считают, что угроза обнищания - глобальная социальная опасность. По их мнению, она захватывает: крестьян (29%), низкоквалифицированных рабочих (44%); инженерно-технических работников (26%), учителей (25%), творческую интеллигенцию (22%). Причина дискомфорта социального состояния коренным образом зависит от адаптации к новым экономическим условиям рыночных отношений, институализации частной собственности и маркетизации всех аспектов жизнедеятельности. Если большинство богатых смотрят в будущее с оптимизмом или по крайней мере спокойно, то представители бедных не ждут от жизни ничего хорошего; для их мироощущения характерен пессимизм и отчаяние. Этим психоэмоциональным наполнением беднейших социально-профессиональных слоев определяется положение "придонья": они еще в обществе, но с отчаянием видят, что им не удержаться в нем. Постоянно испытывают чувство тревоги 83% неимущих россиян и 80% бедных. Их волнует не столько низкая заработная плата, сколько ее невыплаты, не столько экономическое положение отрасли, сколько состояние их предприятия. "Придонье" - это зона диминирования социальной депрессии, область социальных катастроф, в которых люди окончательно ломаются и выбрасываются из общества. Процесс формирования "придонного" слоя связан чаще всего с объективными причинами и показывает, как происходит "втягивание" людей образованных и необразованных, квалифицированных и неквалифицированных в среду "социального дна". Образование, уровень культуры позволяют человеку более надежно оставаться на плаву, не выпадать из круга социального взаимодействия. Однако в условиях крайней нищеты он все равно попадает в группу риска: может потерять семью, запить, втянуться в круг криминальной деятельности. Удержаться на этой грани непросто. Люди, оказавшиеся в весьма стесненных экономических обстоятельствах, понимают это и, естественно, испытывают состояние глубочайшей социальной депрессии. "Придонный" слой формируется как бы помимо воли людей, как результат экономического реформирования, крушащего надежды вполне профессионально состоятельных групп населения. Однако он сравнительно невелик (5%) и к нему нельзя относить всех неимущих. Вместе с тем, оказываясь на краю социальной деградации, люди чаще всего не видят источников поддержки и начинают испытывать состояние паники. Неимущие готовы ожидать помощи только от Бога. Перспективы расширения социальной эксклюзии очевидны: с увеличением бедных и неимущих, что в частности произошло после 17 августа 1998 г., возрастает и поток людей, засасываемых "социальным дном".

Представленная картина возникновения, формирования и развития "социального дна" в России, разумеется, никого не может оставить равнодушным: ни власти, ни общество, ни каждого из нас. Однако помощь общества людям, находящимся в состоянии эксклюзии, сегодня крайне ничтожна. Частная благотворительность носит характер подаяний, а государственная - несопоставима с масштабами "дна": на всю страну имеется около 30 домов ночного пребывания. Во всей Москве учреждений социальной помощи для лиц без определенного места жительства всего 12. Неудивительно поэтому, что по данным Комитета социальной защиты г. Москвы, за один зимний сезон в городе умирает от переохлаждения около 400 человек [15]. Вместе с тем очевидно: сколько общество сэкономит сегодня на помощи "социальному дну", завтра придется отдавать в 10-100-кратном размере, организовывая борьбу и подавляя агрессивность. Обострение этой проблемы делает все более несостоятельным осуществление "спасательных" мер, направленных на ее решение. Вырисовываются

два пути, один из которых - это мобилизация различных ресурсов общества на помощь людям, попавшим в беду; второй - проникновение в существо причин, корней и механизмов тех процессов, в результате которых целые слои и группы населения подпадают под социальные эксклюзии. Сложившаяся ситуация настоятельно требует разработки специальной национальной Программы комплекса превентивных мер. Она должна объединить усилия как государственных, так и неправительственных, благотворительных организаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Римашевская Н.* Вопросы совершенствования статистики уровня жизни // Доходы и покупательский спрос населения. Статистика, М., 1968, с. 156-161.
2. *Римашевская Н.М.* Экономический анализ доходов рабочих и служащих. Экономика, М., 1965.
3. *Ю. Левада.* От мнений к пониманию. Социологические очерки. 1993-2000. М., 2000, с. 19.
4. Прожиточный минимум в Российской Федерации. Нормативные документы. Методологические рекомендации. Комментарии. Госкомтруд. М., 2000.
5. *Римашевская И., Овсянников А., Иудин А.* Социальное дно: драма реальностей и реальность драмы // Литературная газета. 1996. 4 июля.
6. Феминизация бедности в России. Всемирный банк. М., 2000.
7. Социально-экономическое положение России. Январь-июнь 2001 г. VII. Госкомстат. М., 2001, с. 233.
8. Бедность: альтернативные подходы к определению и измерению. Московский Центр Карнеги. М., 1998, с. 18-19.
9. Там же.
10. *Карпетян А.Х., Римашевская Н.М.* Вопросы повышения репрезентативности бюджетных обследований // Система показателей социальной статистики: концепция, методология, практика // ИСЭПН АН СССР. М., 1991, с. 220.
11. Адресная социальная помощь: теория, практика, эксперимент. Минтруд РФ, ИСЭПН РАН. М., 1999.
12. *Амирова Н.Ш.* Медико-социальная характеристика репродуктивного здоровья девушек-подростков. Автореферат. М., 1996, с. 22.
13. Исследование проведено в 1996 г.; руководили им кроме автора, д.э.н. А.А. Овсянников и д.э.н. А. А. Иудин.
14. Это различие является следствием того, что оценки МВД формируются по данным регистрации, которые далеки от реальности.
15. Аргументы и факты - Москва. 2003. № 3, с. 2.